

Е.В. Золотухина-Аболина, А.А. Лысков

О двух экзистенциально-нравственных трендах в философии XX века

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина – доктор философских наук, профессор. Южный федеральный университет. Российская федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105; e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Алексей Алексеевич Лысков – аспирант. Южно-Российский гуманитарный институт. Российская федерация, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, д. 108; e-mail: prot.alex@mail.ru

Статья посвящена двум важным экзистенциально-нравственным трендам, которые, возникнув в XX в., продолжают сегодня, условно говоря, – «фрейдовскому» и «сартровскому». Авторы различают экзистенциальное и нравственное: если нравственное представляет собой систему внутренних и внешних повелений и запретов, то экзистенциальное рассматривается как индивидуальная «жизнь души», как совокупность переживаний, настроений и страстей. Экзистенциальное и нравственное совпадают лишь частично, а в XX в. под влиянием социокультурных перемен происходит определенный отрыв жизненно-экзистенциального от морали и противостояние по отношению к ней. Этому способствовала секуляризация, низвергнувшая трансцендентное, служившее основанием морали. Противостояние жизненно-экзистенциального начала традиционно понятой нравственности выразилось, в частности, в линии утверждения личной свободы, создающей мораль (Ж.-П.Сартр) и в стремлении освободить от морального давления инстинктивные и эмоционально-страстные устремления человека (З. Фрейд). Разумеется, Фрейд и Сартр выражают объективно назревший в культуре переход от одних ориентиров к другим: от традиции к новации, от священного – к профанному, от «ригористической морали» – к свободному волеизъявлению, но при этом они выступили в роли интеллектуалов, которые своими формулировками санкционировали «борьбу с моралью» и легитимировали ее, под их влиянием новые нравственные представления становились массовыми. Экзистенциально-жизненный порыв теснит нравственную запретительно-повелительную систему регуляции. Идеи Фрейда и Сартра, хоть и не без возражений, изначально были восприняты культурным сообществом как гуманистические, однако

в массовой культуре они трансформировались в протест против любых нравственных и рациональных ограничений, способствовали релятивизации представлений о моральном.

Ключевые слова: нравственное (моральное), экзистенциальное, жизнь души, секуляризация, ничто, свобода, бессознательное, метафора «ничто», спонтанность, стремление за любые границы, борьба с моралью

Задача, которую ставят перед собой авторы статьи, – обращение к двум значимым экзистенциально-нравственным трендам в философии XX в., существующим и сегодня. Разумеется, ведущих тенденций было больше, но охватить их все в одной статье крайне трудно, поэтому мы ограничимся двумя темами, которые красной нитью проходят не только через философию, но охватывают и другие сферы культуры – художественную литературу, кино, психотерапию.

Это моральные и экзистенциальные тенденции, вытекающие 1) из метафоры *ничто-свободы*, развитой Жан-Полем Сартром, и 2) из представления о бессознательном как жертве и оппоненте морали, принадлежащего основоположнику глубинной психологии и философии Зигмунду Фрейду. В своем размышлении мы исходим из представления о неразрывном, но непростом единстве нравственного и экзистенциального. И если под моралью мы понимаем глубоко усвоенную систему норм, регулирующих сознание и поведение с точки зрения противоположности добра и зла, должного и сущего¹, то экзистенциальное для нас – это понята в широком смысле «жизнь души», совокупность переживаний², многие из которых выходят за пределы нормативно-нравственного и связаны со страстными устремлениями человека.

Уже в первой половине XX в. «жизнь души», экзистенциальное, индивидуальное и индивидуалистическое начало вкупе с принятием и одобрением природных импульсов и желаний предъявили свои претензии к «старой морали» и стали создавать русло новой морали, построенной на идее *снятия ограничений*. Это, конечно, не означало, что «старая мораль», призывающая укрощать своеволие и импульсы страстей, исчезла, она и сегодня продолжает жить, однако «мораль экзистенциального», сартровско-фрейдовское требование избавления от внешнего морального диктата и внутренних ограничений была воспринята в интеллектуальных кругах, хотя и не без дискуссий, но как гуманистический призыв, как проект освобождения. И это было одновременно освобождение от Бога, символически стоявшего у истоков морали, и *от самой морали*, которая была рассмотрена как вредная власть, подавляющая и калечащая жизнь души. Интересно, что посыл, воспринятый как гуманистически-освободительный, дал дополнительный импульс к осознанию и пережива-

¹ Специфика морали раскрывается, в частности, в таких современных работах как: Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2009; Апресян Р.Г. Постигание добра. М., 1986. А также во многих учебных пособиях, предназначенных для вузов и средних учебных заведений.

² Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М., 2015; Мелас В.Б., Золотухина-Аболина Е.В. Переживание и действие. Феноменологический и экзистенциальный подходы. СПб., 2020.

нию пустоты и бессмысленности судьбы смертного человека, к погружению в экзистенциальную тревогу, страх и чувство безнадежности. Экзистенциальное в этом смысле потеснило моральное, но, оставшись без него, почувствовало себя сиротливо. Эти проблемы прекрасно показаны в большой книге Чарльза Тейлора «Секулярный век»³.

Метафора ничто и свобода от морали

Вопросы о человеческом существовании, лишенном высшего морально-го авторитета, были подняты в России уже Федором Достоевским, который, как известно, оказал немалое влияние на Фридриха Ницше, но второй пошел по пути отрицания «христианской составной» мировоззрения русского писателя, гневно отверг христианство и создал бунтарскую и чрезвычайно эмоциональную «философию воли». Фраза «Если Бога нет, то все дозволено» – это установка в XIX в. Ницше и в XX в. – Сартра. И если Ницше еще видит в сердцевине человека волю, которой, правда, многим не хватает, то у властителя дум целых поколений Сартра человек, по сути увиденный лишь как сознание, оказывается глубоко недостаточным по своей сути, божественного начала в нем нет, а природное ущербно, отсюда и его потерянности, и обреченность на своеволие, и глубокая экзистенциальная трагичность любых личных отношений.

Итак, первая примечательная тема экзистенциально-нравственного поиска XX в. – это тема радикальной *недостаточности* человека, вылившаяся в метафору *ничто*. Эта тема всегда присутствовала в философии, но, скорее, как тема онтологического устройства мира, которую продолжают обсуждать и сегодня⁴. Экзистенциально-нравственное прочтение *ничто* – специфика современности. Оно стала тем мостом, который соединил тему «мира без Высшего морального первоначала» и представление о человеке как об экзистенциальном существе, противостоящем морали и способном создавать ее лично для себя, ни на кого не опираясь.

Принципиальная *недостаточность* как сущностная человеческая черта ярко представлена у Хельмута Плеснера, автора безрелигиозного, не причисляющего себя ни к какой вере. Раннего Плеснера волновала не мораль, а специфика человека как момента биологической эволюции. Однако в работе 1928 г. «Ступени органического и человек» он находит образ, ставший ключевым для целого ряда философов, покоренных идеей «экзистенциально-жизненное – против морального». Положение человека в мире Плеснер считает «эксцентрическим». Он пишет:

Позиционально имеется нечто тройное: живое есть тело, в теле (как внутренняя жизнь или душа) и вне тела как точка зрения, с которой оно есть и то, и другое. Индивид, который позиционально характеризуется такого рода трой-

³ Тейлор Ч. Секулярный век / Пер. с англ. М., 2017.

⁴ «Онтология негативности»: Сборник научных трудов / Ред. Е.Г. Дрогалина-Черная. М., 2015.

ственностью, называется личностью (Person). Он является субъектом своего переживания, своих восприятий и своих действий, своей инициативы. Он знает, и он хочет. Его существование поистине *поставлено на ничто* (выделено нами. – Авт.)⁵.

Человек для Плеснера – это опосредствование, он отделен от своего тела и от своего эмоционального центра. Ему нужно постоянно создавать и пересоздавать себя, его отношение к реальности «косвенно-прямое», поэтому ему свойственны сомнения и способность представлять себя на чужом месте, играть чужие роли. Выступая как, по сути, *ничто*, как рефлексивность и открытость, захваченность воспоминанием и мечтой он вынужденно оказывается сам для себя микродемиургом. Само эксцентрическое положение человека, по Плеснеру, заставляет его отказаться от образа трансцендентного как сущностной опоры, но в то же время человеку нужны *другие*. Плеснер видит дух не как Бога, как человеческое сообщество, он еще не столь радикален, чтобы увидеть в других лишь опасность и диктат.

Явившаяся из разговора об эволюции *метафора ничто* естественным образом повлекла за собой не просто экзистенциал свободы, но возможность понимания свободы как *произвола*, как ничем не укрощенной и не введенной ни в какие берега вольности поступков, чувств и мыслей. Сами пустотность, *вариативность и гибкость*, ставящие под вопрос любую устойчивость, в том числе нравственную, обернулись огромной уязвимостью, трагичностью. Однако мыслители, прямо или косвенно принявшие импульс «ничтожности», *сочили и потерю «подлинной морали», и трагичность существования нормальным явлением*. Это принятие стало отдаленным предшественником современной «новой нормальности», принципиально пересматривающей и традиционную гендерную мораль, и нравственное отношение к прошлому, и само желание людей оставаться людьми, а не превращаться в роботов или киборгов. Но тогда, во все более удаляющемся от нас теперь XX в. примером готовности «быть любимым», стал роман Германа Гессе «Степной волк», а «абсурдный человек» Альбера Камю, живущий сиюминутным чувством и игрой, явился художественным аргументом против любых «рацей», в том числе нравственных. Действительно, утратив и религиозные, и моральные критерии, можно быть каким угодно: менять лица, многократно начинать сначала, отказываться от принятых решений и принимать новые решения: нас некому судить, ибо бог умер, а люди – не авторитет.

Именно эту идею ярко выразил Сартр. Его небольшая популярная работа «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946), написанная с сугубо антропоцентрических позиций, становится, по сути, *манифестом полной и абсолютной внутренней, да и внешней свободы человека*, которую он считает равной подлинному гуманизму. Противопоставляя свои взгляды неким рационалистам, которые на место «умершего бога» для обоснования ценностей и норм ставят разум, создающий правила общежития, Сартр пишет:

⁵ Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию М., 2004. С. 126.

Экзистенциалисты, напротив, обеспокоены отсутствием бога, так как вместе с богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире. Не может больше быть блага а priori, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать; и это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни только люди⁶.

По Сартру человек, чье сознание идентично «ничто», «дыре в бытии», сам всякий раз изобретает мораль, потому что «никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать; в мире нет знамений»⁷. А изобретает он ее ситуативно, без рефлексии, сразу совершенным поступком, и никому, кроме себя, не обязан давать отчет. У Сартра прямо и косвенно звучит тема не просто воли и выбора, но *неограниченного своеволия*, проявляемого индивидом, для которого ничего не значит ни прошлое, ни мнения других людей.

Бессознательное – жертва и оппонент морали

Коротко укажем на вторую фундаментальную тему, через призму которой тоже преломилось множество смысложизненных исканий, происходивших в разных областях духовной жизни. Это тема *бессознательного*. Возникшая в самом начале XX в. глубинная психология первоначально в лице основателя психоанализа Зигмунда Фрейда укрепила и расширила ту морально-психологическую установку, которую гораздо позже Поль Рикёр назвал «философией подозрения», возводя ее к Карлу Марксу и Ницше. Фрейд указывает человеку на то, что он «не хозяин в собственном доме» – доме своего сознания и поведения, а «рационализации» – лишь обманные попытки сознания обосновать те шаги, которые реально находятся вне его контроля.

Учение Фрейда широко обсуждается и активно применяется и сегодня. О Фрейде вполне можно говорить как об антропоцентрическом мыслителе, стремящемся осмыслить возможность человека быть счастливым. Он глубоко чувствует драматизм культуры и, как и Плеснер, с некоторой завистью оборачивается на животный мир, а религию не любит и считает «коллективным неврозом навязчивости». При этом основатель психоанализа мораль не жалуется, как не жалуется и религию. Мораль для него – основной источник неврозов, причина многочисленных страданий человека, ведущий фактор невротизации. Индивидуальную свободу он находит не в культуре, а в природе, а максима «возлюби ближнего как самого себя» его тяжело раздражает. «Почему мы должны брать на себя такое обязательство? – спрашивает Фрейд не без пафоса, – Чем это может нам помочь? И прежде всего – как это можно осуществить?.. Если я люблю кого-то, он должен это как-то заслужить»⁸. В работе «Неудовлетворенность культурой» (1930) Фрейд дает блестящий очерк формирования совести как усвоения моральных требований религиозного социального окружения и в свойственных ему терминах квали-

⁶ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.

⁷ Там же. С. 330.

⁸ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Малое собрание сочинений СПб., 2010. С. 954.

фицирует ситуацию: «Сверх-Я» мучает грешное «Я» теми же ощущениями страха и только и ждет случая, чтобы подвергнуть его наказаниям со стороны внешнего мира»⁹. Эта его работа – тоже своеобразный манифест – манифест *права инстинктов на владение человеком*, признание культуры с ее моралью и богом как того, что мы просто вынуждены терпеть. Тема Фрейда – *свобода инстинкта, беспредельность страсти*. Подавленный культурой инстинкт и искалеченная мораль – страсть делают людей больными, безумными и несчастными.

Понятно, что своевольные, склонные к анархии люди были всегда, так же как сластолюбцы и извращенцы существуют в любую эпоху. Но доминирование светского «экзистенциально-жизненного» над моральным, потерявшим свои священные корни, меняет нравственный климат в обществе тогда, когда оно само признается *не только нормальным, но и похвальным*. Более того, образцовым, элитарным и модным. Сдвиг, произошедший в интеллектуальной жизни и художественном мировосприятии, медленно, но верно, проецируется в область массового сознания и культуры¹⁰, что ярко выразилось в направлении постмодернизма. Тогда любой обыватель начинает твердо верить, что не только Бога нет, но и мораль – штука неверная, случайная, субъективная, и вообще ненужная тирания. Быть депрессивным, неуживчивым, нигилистичным – модно и красиво, а отвечаешь за свою ложь, агрессию и подлость – только перед самим собой. При этом можно произвольно по собственному почину менять моральные установки и ценности в зависимости от ситуации и своего интереса – индивидуального или группового.

Обратим внимание на то, что две обозначенные нами линии, условно говоря, сартровская и фрейдовская, в значительной степени противоречат друг другу. Одна объявляет человека «господином всего», свободным в своих оценках и решениях, творцом любого момента и самой морали; другая – видит в человеке сугубо природное существо, влекомое «принципом удовольствия», игрушку подспудных энергетических влияний и неконтролируемой страсти. Однако противоположности, как всегда, сходятся. А сходятся они в данном случае в одном: у человека нет, не может быть и не должно быть онтологически обоснованных, универсальных, экзистенциально-нравственных ориентиров, они, во-первых, иллюзорны, во-вторых, деспотичны, в-третьих, дискомфортны. Да здравствует полная свобода – и решений, и инстинктов. И это – единственно достойная человека мораль и единственный подлинно гуманный экзистенциальный ориентир. Поэтому не удивительно, что в «Бытии и ничто» в главе «Действие и обладание» Сартр пишет главу «Экзистенциальный психоанализ», где отрицает рефлексии как познавательный инструмент. Отвергая с феноменологических позиций бессознательное, он не дает шансов и сознанию, видя человека как ничто, случайность и слепой спонтанный проект: понятно, что такого рода гуманизм не предполагает морали как той призмы, через которую сознательный, контролирующийся себя индивид воспринимает мир и других людей.

⁹ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. С. 970.

¹⁰ Интересный анализ литературы и культуры XX в. с его эксцентричными и парадоксальными тенденциями дает В.П. Руднев в книге «Словарь культуры XX века» (М., 1999).

Выводы

1. Тема взаимодействия нравственного и экзистенциального – во многом открытая тема. Она требует продолжения исследования – как философско-теоретического, этического, так и экзистенциального, психотерапевтического анализа. Эта тема так или иначе увязана с сюжетом трансцендентного – его наличия или отсутствия, потому что следование морали и уклонение от соблазнов и пороков требует серьезного эмоционально-ценностного и идейного обоснования, опирается на глубокие убеждения. Поиск притягательных чисто светских идеалов в ситуации, когда идеалы коммунизма сняты с повестки дня, – это задача всех, кто работает в идейно-мировоззренческой сфере. Лишь мощные цели и ценности могут быть мотиваторами неотступного и целеустремленного следования морали, а не сиюминутному практическому интересу, спонтанному капризу или телесному позыву. Идеальных нравов не было нигде и никогда, но Бог и боги выступали серьезным фактором в утверждении *морального поведения именно как ценности*, а не как беспомощного заблуждения фантазеров и мечтателей.

2. Рассмотренные экзистенциально-нравственные тренды общественной жизни, показанные нами с опорой на крупные философские имена – это результат как социокультурных изменений, так и концепций, идей, лозунгов, формулировок, которые производят философы, писатели, психологи. Интеллектуал ловит «запрос времени», но придает ему форму, ясность и некую ударную мировоззренческую силу, образно говоря, сообщает энергию для того, чтобы родившаяся в отдельных головах тема проникла в массы. Это не значит, что мы должны в чем-либо винить Ницше, Фрейда, Сартра, Камю или любых других авторов. Чаще всего они одушевлены темой открытия истины человечеству – истины этической, антропологической, ценностной. Но те имена, которые были здесь скупно нами рассмотрены, дали толчок не только каким-либо конкретным представлениям, но и тенденции безмерности и *неограниченности* самовластному выходу за любые пределы, и прежде всего – за пределы того, что принято считать моралью. Это просто факт, в котором можно убедиться, читая их труды. Хорошо это или плохо? Это вопрос для нас сегодня, потому что с чисто этической точки зрения, без очарованности знаменитостью обсуждаемых персон, на этот вопрос можно ответить по-разному.

3. Само представление о морали изменчиво. Охватившая мир в последние годы тенденция «новой нормальности» и, таким образом, новой морали, рождает много проблем как практического, так и теоретического характера. Но, вероятно, а, пожалуй, и достоверно, существуют некие константы, некие универсальные моральные установки, которые были сформированы в мировых религиях и дополняются здравым светским гуманизмом XX в., восходящим к Иммануилу Канту. Это запрет на убийство, ненависть и враждебность, это повеление неизбирательной бескорыстной благожелательности. И здесь всегда есть, хоть и неявно, тема меры. Безмерность хороша как романтический порыв, но не как реализация в эмпирической жизни. В жизни мы ограничены интересами других людей, неизбежной иерархичностью общества, природой, которую нельзя истреблять. Поэтому мораль как система повелений и запретов,

стяжек и противовесов была и будет той уздой, которая наброшена на сферу экзистенциально-жизненного: как на жажду бесконтрольного своеволия, так и на буйство переживаний и страстей. И это – хорошо.

Список литературы

- Апресян Р.Г.* Постижение добра. М.: Молодая гвардия, 1986. 207 с.
- Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. 496 с.
- Касавина Н.А.* Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФРАН, 2015. 189 с.
- Мелас В.Б., Золотухина-Аболина Е.В.* Переживание и действие. Феноменологический и экзистенциальный подходы. СПб.: Владимир Даль, 2020. 253 с.
- Онтология негативности: Сборник научных трудов / Ред. Е.Г. Дрогалина-Черная. М.: Канон+, 2015. 376 с.
- Плеснер Х.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
- Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 84 с.
- Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 398 с.
- Тейлор Ч.* Секулярный век / Пер. с англ. М.: ББИ, 2017. xiv, 967 с.
- Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой // *Фрейд З.* Малое собрание сочинений. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2010. 992 с.

About Two Existential and Moral Trends in Philosophy of the 20th Century

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University. 105 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Aleksey A. Lysikov

South-Russian Humanitarian Institute. 108 Krasnoarmeyskaya Str., Rostov-on-Don, 344082, Russian Federation; e-mail: prot.alex@mail.ru

The article is devoted to two important existential and moral trends ‘Freudian’ and ‘Sartrean’ that, having emerged in the twentieth century, exist today. The authors distinguish the existential and the moral: if the moral is a system of internal and external commands and prohibitions, the existential is an individual “life of the soul”, a set of experiences, moods and passions. The existential and moral coincide only partially, and there is a certain separation of the vital-existential from morality in the 20th century: the desire to break out from any given behavioral framework. This was facilitated by secularization, which overthrew the transcendent, which to a large extent served as the foundation of morality. The opposition of the vital-existential principle to traditionally understood morality was expressed, in particular, in the line of praising personal freedom (J.-P. Sartre) and in the desire to liberate person’s instinctive and emotionally passionate aspirations from moral pressure (S. Freud). Certainly, Freud and Sartre express an objective cultural transition from tradition to innovation,

from the sacred to the profane, from “rigorous morality” to free expression of the will, but at the same time they were intellectuals who, with their formulations and manifests facilitate “struggle against morality” and legitimize it, as a result the new moral concepts based on the idea of “overcoming any boundaries” become common. The existential-vital impulse crowds out the moral prohibitive-imperative system of regulation. The ideas of Freud and Sartre were initially understood by the cultural community as humanistic, but in low culture they were transformed into a protest against any moral and rational restrictions, and relativized moral ideas.

Keywords: moral (ethical), existential, life of the soul, secularization, nothing, freedom, unconscious, metaphor of “nothing”, spontaneity, striving for any boundaries, the fight against morality

References

Apressyan, R.G. *Postizhenie dobra* [Understanding the Good]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1986. 207 pp. (In Russian)

Freud, Z. “Neudovletvorennost’ kul’turoi” [Das Unbehagen in der Kultur], in: Z. Freud, *Maloe sobranie sochinenii* [The Small Collection of Works]. St. Petersburg: Izd. gruppya «Azbukaklassika» Publ., 2010. 992 pp. (In Russian)

Guseinov, A.A. *Velikie proroki i mysliteli. Nравstvennyye ucheniya ot Moiseya do nashikh dnei* [Great Prophets and Thinkers. Moral Teachings from Moses to the Present Day]. Moscow: Veche Publ., 2009. 496 pp. (In Russian)

Kasavina, N.A. *Ehkzistentsial’nyi opyt v filosofii i sotsial’no-gumanitarnykh naukakh* [Existential Experience in Philosophy and the Social Sciences]. Moscow: IFRAN Publ., 2015. 189 pp. (In Russian)

Melas, V.B., Zolotukhina-Abolina, E.V. *Perezhivanie i deistvie. Fenomenologicheskii i ehkzistentsial’ny podkhody* [Experience and action. Phenomenological and Existential Approaches]. St. Petersburg: Vladimir Dal’ Publ., 2020. 253 pp. (In Russian)

Ontologiya negativnosti [The Ontology of Negativity]. *Sobranie nauchnykh trudov* [A Collection of Scientific Papers], ed. by E.G. Drogalina-Chernaya. Moscow: Kanon+ Publ., 2015. 376 pp. (In Russian)

Plessner, H. *Stupeni organicheskogo i chelovek. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Steps of the Organic and Man: Introduction to the Philosophical Anthropology]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2004. 368 pp. (In Russian)

Rudnev, V.P. *Slovar’ kul’tury XX veka*. [Dictionary of 20th Century Culture]. Moscow: Agraf Publ., 1999. 84 pp. (In Russian)

Sartre, J.-P. “Ekzistentsializm – eto gumanizm” [Existentialism is a Humanism], *Sumerki bogov* [Twilight of Gods]. Moscow: Politicheskoi literatury Publ., 1989, pp. 319–344. (In Russian)

Tailor, Ch. *Seculyarnyi vek* [A Secular Age]. Moscow: BBI Publ., 2017. xiv, 967 pp. (In Russian)